

УДК 72.03, 711.03

Надырова Х.Г. – кандидат архитектуры, доцентE-mail: Nadyrova-Kh@yandex.ru**Казанский государственный архитектурно-строительный университет**

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зелёная, д. 1

Принципы организации застройки городов Казанского ханства

Аннотация

В статье предпринята попытка выявить принципы организации застройки татарских городов средневековья. Для этого автор проводит параллели между средневековыми городами региона и мусульманского мира, анализирует особенности системы расселения и организации застройки татарских селений северо-западных районов Татарстана, большинство из которых преемственно развивалось с эпохи Казанского ханства. Автор выдвигает гипотезу о сохранении в них градостроительных традиций ханско-татарского периода. Для подтверждения гипотезы автором привлечены исторические источники и архивные материалы в виде планировочных схем, планов и съёмки селений татар конца XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: история градостроительства, Казанское ханство, планировка, традиции.

Казанское ханство – мусульманское государство позднего средневековья, образовавшееся в Волго-Камье после развала и на основе культуры Золотой Орды. Архитектура и градостроительство Казанского ханства в силу трагических условий развития в середине XVI в. понесли катастрофические потери. Не сохранилось ни одного памятника архитектуры этого периода. Однако подавляющее большинство современных селений и городов Волго-Камья, в первую очередь Татарстана, располагается на местах поселений Казанского ханства, которые в свою очередь также восходят к поселениям предков татарского народа [12; 25; 37].

Пространственно-планировочные структуры многих селений и городов Татарстана, в том числе и Казани, в своей основе сложились во времена Казанского ханства. Большое значение для решения задач по реконструкции системы расселения Казанского ханства, пространственно-планировочной структуры и монументальной архитектуры Казани имеют исторические источники [6; 15; 26; 27]. Многолетние археологические исследования Казани и остатков других средневековых городов дали новые данные по их застройке и материальной культуре [8; 9; 28; 29; 35; 36]. На основе имеющихся материалов некоторые исследователи выполнили свои реконструкции средневековой структуры Казани [3; 4; 5; 7; 16; 17]. Среди них есть работы автора [21; 22]. Многолетние исторические, иконографические и археологические исследования Казанского кремля позволили авторам гипотетически воссоздать утраченную монументальную архитектуру цитадели ханской Казани [1; 2; 11; 31; 32; 33].

Анализ историографии выявил лауну, которую можно обозначить как отсутствие исследований по вопросам организации застройки татарских городов средневековья с мусульманским населением, их особенностей как мусульманских городов и проявления в их организации и застройке влияния ислама. Основная задача статьи заключалась в выявлении особенностей в организации городов Казанского ханства на примере Казани и определении влияния ислама на их появление. Для её решения, в отсутствие натуральных материалов и объектов ханско-татарского периода, автор выдвигает гипотезу о длительном сохранении в планировке и застройке татарских селений Казанского уезда (северо-западные районы Татарстана) XVIII-XIX вв. средневековых татарских градостроительных традиций, которые были присущи городам и поселениям Казанского ханства.

Казанское ханство образовалось после развала Золотой Орды в период 1438-1445 гг., после того, как в 1431 г. центр Булгарского улуса г. Булгар и его округа были разорены русским войском под управлением боярина Фёдора Пёстрога. Из нескольких княжеств, ранее

входивших в состав Булгарского улуса: Булгарского, Джукетауского, Кашанского, Кирменчугского, Казанского – наиболее сильным было последнее. Казань превратилась в центр региона, где правил сын булгарского правителя Габдуллы Гали-бей.¹ В 1438 г. он был свергнут золотоордынским ханом Улу-Мухаммедом (по другим данным, в 1445 г. его сыном ханом Махмутом). Утверждение на престоле представителя династии Чингисидов означало создание самостоятельного государства – Казанского ханства. Вооруженная группа Улу-Мухаммед хана, насчитывавшая около 3,5 тыс. чел. (с членами семей она составляла свыше 10 тыс. чел.), была организована в соответствии с золотоордынской традицией по клановому принципу. Она состояла из четырёх кланов: Аргын, Барын, Кыпчак, Ширин. Позднее к ним прибавился клан Мангыт, связанный с Ногайской ордой. Эти кланы легли в основу даруг (княжеств), формировавших административно-политическую структуру Казанского ханства [14, с. 10]. Его территория разделялась на пять даруг: Арскую (княжество Кыпчаков) – на северо-востоке, Зюрейскую (княжество Ширинов) – на юго-востоке, Ногайскую (княжество Мангытов) – на юге, Алатскую (княжество Барынов) – на севере, Галицкую (княжество Аргынов) – на северо-западе от Казани [14, с. 35; 25, рис. 3].

В русских источниках с каждой даругой отождествлялась дорога, связывавшая её центр с Казанью и носившая идентичное название. Дороги из Казани вели в города-крепости Галич, Алат, Арск, Зюри и в Ногайскую землю в г. Сарайчик. Город Алат находился у современных селений Старый Алат и Казаклар Высокогорского района РТ, Арск – в центре современного г. Арска. В 2001 г. выявили столицу Зюрейской даруги на месте современного села Старые Зюри Тюлячинского района РТ [10]. Даруги имели волостную структуру (сотнями), формировавшуюся более мелкими улусами (десятками). Подтверждением этому является существование сотских и десятских князей, управлявших волостями и улусами и упоминавшихся в исторических источниках. Они являлись помещиками, получавшими землю за службу. Представители высшей знати владели наследственными вотчинами [14, с. 36].

Следует отметить, что в Булгарском улусе, как части Золотой Орды, уже существовала даружная система с вышеперечисленными кланами, точная локализация которой пока остается неясной. При образовании Казанского ханства произошла её реорганизация с перемещением центра в Казань. Образовались и другие центры даруг. Возможно, что при этом была учтена прежняя принадлежность волостей, улусов и поселений даругам определенных кланов. Даружная структура административно-территориального управления Казанского ханства интегрировала местную систему расселения, складывавшуюся не только в золотоордынский, но, вероятно, и булгарский период.

Переселение людей на новое место в средневековый период осуществлялось большими родственными группами, патриархальными семьями. Они образовывали одно или несколько родственных селений. Если в силу каких-либо причин часть родственных групп основывала селения вдали от них (иногда в нескольких десятках километров), то население тех и других селений всегда осознавало и поддерживало родственные связи между собой. Наложение на местную систему расселения даружной структуры административно-территориального управления привело к закреплению в Казанском ханстве принципа кланово-родственного расселения. Подтверждением этому служило многовековое бытование в среде сельского и городского татарского населения древнего праздника «джиен».² Родственная основа этого праздника, территориально-окружной принцип его организации, исторически сложившаяся последовательность его проведения, определенная связь джиенных округов с историческими памятниками конкретной территории, а также с языковыми и бытовыми особенностями их населения свидетельствовали о значении джиенов, как определенных общественно-территориальных единиц [30, с. 196]. В северо-западных районах Татарстана и других регионах проживания татар в Волго-Камье до начала XX в. существовал обычай летнего

¹ По русским источникам известен как Казанский князь Либей.

² «Джиен» (татарское) – «Сбор», праздник встречи родственников.

праздничного сбора родственников в старейшем селении – первоначальном ядре, при делении которого образовались другие селения с родственным населением.

В существовании этой традиции отражён принцип кланово-родственного расселения не только в рамках одного селения или городской татарской слободы, но и пространственной организации и системы расселения северо-западных районов Татарстана с ханско-татарского времени. В этих районах татарское население продолжало компактно проживать и в русский период, что способствовало сохранению данной традиции. Суть праздника джиен заключалась в том, что в определенную неделю года в конкретное селение на праздник-встречу съезжались родственники одного округа. Джиенный округ объединял 4-15 соседних татарских деревень и имел название, как правило, по наиболее древнему селению. Несколько джиенных округов праздновали последовательно на протяжении одного цикла. То есть, ежегодно с конца мая до начала сенокоса джиенные округа одного цикла в строго традиционно сложившейся последовательности праздновали 4-7 недель [30, с. 197-198]. Джиенные округа одного цикла составляли более крупное объединение – конфедерацию, которая могла объединять от 3 до 20 округов. Жители округов, входивших в одну конфедерацию, считались более близкими между собой. В эту систему вписывались и городские жители, связанные с определенными селениями рождением или родственными узами.

Существовала прямая связь джиенных округов и их конфедераций с феодально-иерархической системой Казанского ханства. Надо полагать, что в период Казанского ханства джиены существовали на всей территории расселения татар в Волго-Камье и были связаны с клановой структурой государства. Застройка средневековых городов и селений ханства предположительно велась кварталами, заселенными по кланово-родственному принципу.

Слободы городов и селения нерусских народов Казанского царства, как продолжали называть завоеванные территории Казанского ханства в составе Русского государства до начала XVIII вв., в большей степени сохраняли возможность не столько кланового, сколько родственного расселения, поскольку административная структура ханства была разрушена. Родственное расселение имело форму гнезд (групп) из патриархальных усадеб. Это находит косвенное подтверждение в том, что в татарских селениях XVIII вв., а значит и значительно раньше, сохранялись огромные усадьбы, застроенные домами и хозяйственными постройками родственников нескольких поколений и не разделенные заборами. Хозяйство было общим для всей большой патриархальной семьи. Её усадьба представляла собой комплекс в виде огороженной забором общей территории, внутри которой стояли дома отца, его братьев и женатых сыновей, а по периметру располагались отдельно стоявшие хозяйственные постройки. Такая усадьба находилась в окружении или вблизи подобных усадеб, принадлежавших родственникам одного клана или рода. Татарское селение периода позднего средневековья состояло из нескольких подобных гнезд родственных усадеб. В середине XIX в. существовали селения, где патриархальные усадьбы цепочкой или группами располагались по берегам речек (рис. 1). Жители селения часто называли такие гнезда по имени родоначальника, например, Касым нэселе.³

Этот прием расселения был характерен в период позднего средневековья для татарских, марийских, чувашских, удмуртских, мордовских селений, татарских слобод городов Казанского уезда и губернии. Кланово-родственный принцип расселения был характерен и для русских средневековых городов, где вокруг усадьбы боярина селились его родственники и зависимое население. Во второй половине XVI-XVII вв. в городах и селениях бывшего Казанского ханства, куда после захвата переселялось русское население, этот принцип в полной мере не соблюдался, поскольку расселение в них осуществлялось уже по служило-слободскому принципу. При этом жителями городской слободы или селения становились переселенцы из разных мест Московского государства и их не связывали родственные отношения.

³ Нэсел (тат.) – род, племя.

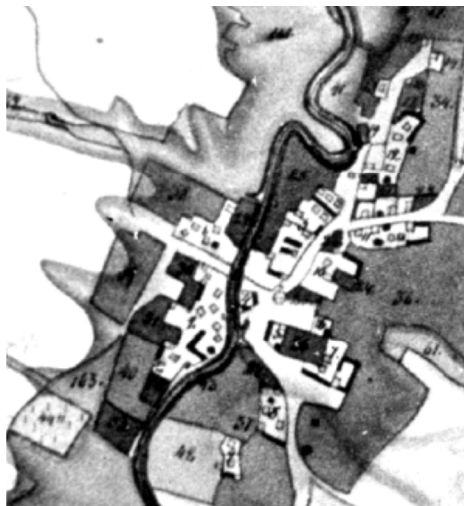

Рис. 1. Съемка дачи д. Урнашбаш Больше-Сердинской волости Казанского уезда и губернии. 1856 г. НА РТ, ф. 324, оп. 728, д. № 340. Цифрами обозначены большие патриархальные усадьбы. Темными полосами выделены хозяйственные постройки, светлыми квадратами показаны дома

Замена в начале XVIII в. подворной подати на подушную вызвала процесс выделения малых семей из состава больших патриархальных семей и разделение пространства больших усадеб на более мелкие при сохранении принципа родственного расселения в структуре селения. Это способствовало сложению запутанной с обилием поворотов и тупиков пространственно-планировочной структуры татарских селений, где вокруг тупиков группировались родственные усадьбы (рис. 2).

В расстановке жилых построек (позднее – усадеб) сыновей и других родственников вокруг дома отца (деда, прадеда) усматривалось влияние кочевого прошлого предков татар [13]. В болгарский и золотоордынский периоды в культуру населения входил кочевой компонент, в ханско-татарский период он сохранялся в качестве реликта. Постановка дома в глубине (центре) усадьбы считалась единственно правильной и воспринималась татарами, как наследие предков. Эта традиция сохранялась в середине XIX в. и значительно позднее, даже после перепланировочных мероприятий на селе, когда предписывалось ставить дома по красной линии улицы (рис. 3). На плане с. Служилая Ура видно, что в крупных и средних по величине усадьбах дома находятся в центре или глубине участков и по периметру отгорожены от улиц не только заборами, но и поставленными слитно хозяйственными постройками. На улицы ориентированы дома в небольших усадьбах бедных крестьян.

В этот период особенность татарских селений составляла очень высокая плотность застройки их отдельных частей или концов, заселенных группами семей, принадлежавших к одному роду. Часто за первым рядом усадеб располагался без разрывов второй, а иногда и третий ряд усадеб. Это объяснялось не только исчерпанием земельного лимита в пределах селения для его дальнейшего развития по ряду социально-экономических и ландшафтных причин, но и традициями расселения татар родственными группами.

В начале XIX в. очевидец так объяснял эту особенность: «... Часто двор татарина со всем его хозяйством не примыкает к улице, обстроен бывает со всех сторон такими же дворами других хозяев и чтоб к нему добраться, нужно пройти через несколько других дворов. Таким образом сплочены только в родстве между собой состоящие семьи, посторонние же отделяются одни от других переулками и улицами. Это происходит от того, что, если например, в каком-нибудь хозяйстве кто-нибудь женится, его не выселяют на край деревни. Напротив, у родительского двора отделяют половину, которая тогда огораживается и нововодворенный обстраивается там отдельным домом и хозяйством» [38, с. 406-407]. Выгораживание части территории родительской усадьбы для молодой семьи – значительно позднее явление, возникшее в татарских селениях под влиянием развивавшихся капиталистических отношений. Традиционно для молодых на родительской усадьбе ставился дом, а иногда просто клеть, где жили с весны до глубокой осени.

Рис. 2. Съёмка плана д. Большая Атня Казанского уезда, 1858 г. НА РГ, ф. 324, оп. 728, д. № 306

В связи с длительным бытованием средневековой традиции родственного расселения патриархальными и отдельными усадьбами вероятно предположение о существовании такой формы расселения в городах и селениях Казанского ханства. Тем более, что такая форма расселения в период средневековья существовала и у других народов.

Возникает другой вопрос. Влиял ли ислам на организацию застройки городов и селений Казанского ханства и если да, то в какой форме? Очевидно, не только Казань, но и небольшие города и поселения Казанского ханства обладали своеобразием. Восторженные описания их оставил участник захвата Казани А. Курбский: «...Тако же и двory княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны, и села часты...» [6]. К сожалению, он не отметил, в чем они прекрасны и удивительны. Для выяснения влияния ислама на организацию застройки городов Казанского ханства, которое преемственно сохраняло мусульманскую идеологию, целесообразно обратиться к опыту организации средневековых городов мусульманского мира. В первой трети XX века в среде ученых-востоковедов сложилась концепция исламского города, которая на протяжении века дополнялась новыми фактами и материалами, изменялась и в настоящее время приобрела новый смысл [24].

Первоначально мусульманский город сводился к наличию в нем таких элементов, как: оборонительные стены и ворота, цитадель или форт, центральный рынок, соборная мечеть, общественные бани-хаммам, медресе, караван-сарай, сеть узких нерегулярных улиц, этнические кварталы, здания с внутренним двором и полное отсутствие в городе общественных площадей, помимо обширного внутреннего двора соборной мечети [39]. Средневековые города Волго-Камья по совокупности большинства этих элементов являлись мусульманскими городами. Однако большинство этих элементов было характерно и для средневековых городов христианской Европы. Внешнее отличие средневековых городов мусульманского мира от христианского (западноевропейского) мира сводилось к характерному облику культово-мемориальных зданий (мечеть, минарет, медресе, мавзолей) и общественных зданий (караван-сарай, баня-хаммам, торговые здания и т.д.), своеобразному образу жизни и т.д. Помимо этого внешнего отличия существовали общие принципы пространственной организации мусульманских городов, отражавшие специфику жизни города в соответствии с требованиями шариата. Для городов нашего региона мы можем проследить их на примере столицы Казанского ханства – Казани. Город имел укрепленный Кремль и окруженный стенами посад. По общемусульманской традиции городские кладбища должны были выноситься за пределы стен городов.

Только в ханской цитадели Кремля в комплексе с Ханской мечетью существовали мавзолеи для членов ханской семьи и высшей знати [19]. Археологическими исследованиями выявлено, что в ханской Казани было два больших городских кладбища.

Рис. 3. План усадебного устройства д. Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии, 1886 г. НА РГ, оп. 739, № 364. Выкопировка автора.
На крупных усадьбах дома (черного цвета) традиционно располагались в глубине участков и отделялись от дорог хозяйственными постройками (серые полосы).
Усадьбы с домами по улице – новая застройка

Одно находилось за стенами посада в южной оконечности гряды холмов, на которых располагался Кремль и верхняя часть города. Ныне на этой территории находится комплекс Казанского университета (Университетский городок). Второе городское кладбище находилось за Булаком, вблизи Кураишевой слободы, где позднее возникла Сенная площадь (квартал, ограниченный улицами Татарстан, Левобулачной, Московской и Камала).

Как и в других городах мусульманского мира, сохранялась традиция строительства городских общественных бань. Они строились из камня и кирпича вблизи источников воды – на Булаке и в обширном овраге с системой озер (на Банном озере Черноозёрской впадины) – и относились к типу хаммам. Застройка была организована вокруг мечетей приходами – махаллями. В Кремле находились мечети Ханская, Нур-Али и соборная, главная мечеть Казани и ханства – Кул-Шарифа. В городе, а вернее, в его предместьях должна была располагаться открытая общегородская мечеть-мусалла, предназначенная для молений всех горожан во время больших мусульманских праздников. Её местонахождение пока не выявлено. Однако можно предположить, что она могла располагаться на Арском или Ханском поле.⁴

Главный рынок города размещался на площади перед Ханскими воротами (в районе Спасской башни). В его структуре или вблизи него функционировал Ханский караван-сарай (Гостиный двор). От Волги по р. Казанке к пристаням Булака на лодках подвозили товары, доставлявшиеся на рынок и в караван-сарай. Главная сезонная ярмарка находилась на волжском острове Гостином (название известно по русским летописям). Вблизи устья Булака весной функционировал рынок Таш-аяк.⁵ В этот период, когда во время разлива Волги и Казанки большие суда с товарами заходили непосредственно в протоку Булак, у подножия Кремля устраивали ярмарку. По преданию, свое название рынок получил по каменной чаше на ножке, предназначенной для сбора торговых пошлин.

⁴ Арское поле – обширное открытое пространство на восток – юго-восток от средневековой Казани. Ханское поле (по рус. источникам) – обширный луг от Булака до Волги, протяженностью около 6-7 км.

⁵ Таш-аяк (тат.) – каменная нога.

В организации застройки городов мусульманского Востока выявлен ряд принципов, обладавших универсальным характером и проявлявшимся в разных формах, в зависимости от региона [40]. В соответствии с современной концепцией исламского города, средневековое градостроительство мусульманского мира отличалось многообразием его региональных проявлений. Это определялось тем, что исторические города мусульманских стран развивались под влиянием таких неисламских факторов, как: климат, ландшафт, технологии строительства и производства и т.д. В мусульманском мире Волго-Камье являлось самым северным по расположению регионом,⁶ обладавшим в отличие от большинства других особыми природно-климатическими условиями (морозные и снежные зимы, сочетание степи и лесов, переходящих местами в тайгу и др.) и во многом обусловленными ими архитектурно-градостроительными традициями. Учет природно-климатических и ландшафтных условий являлся общим принципом в градостроительстве любых регионов. Согласно ему в значительной степени определялся характер и план города с исламским населением. В Волго-Камье этот принцип особенно ярко определял своеобразие и различие городов региона и стран мусульманского Востока. При этом, благодаря расположению Волго-Камья в Восточной Европе в одном климатическом поясе и идентичных ландшафтных условиях с Русским государством, их города обладали большой общностью во многих сферах градостроительства. Особенно это сказывалось на общности пространственно-планировочных структур городов, строительных материалов оборонительных сооружений и монументальных зданий, типологии, материале и конструкциях массового жилища и т.д.

Принцип учета религиозных верований и культурных традиций обуславливал особенности городов с мусульманским населением. Религиозные верования и практика определили центром религиозной и культурной жизни для всех групп мусульманского населения соборную мечеть, которая заняла центральное место в пространственной и социальной иерархии города, и приходские мечети. Культурно-религиозные убеждения населения обусловили разделение общественной и частной жизни, которые регулировались различными пространственными уровнями общественных зон и жилых районов города. Планировочная структура города состояла из узких улиц и пространств мечетей и рынков, разделявших частную и общественную сферы городской жизни. Экономическая деятельность горожан, участие их в общественной жизни города были отделены от жилья и сосредоточены в общественных местах и на основных улицах.

Юридические различия между мусульманами и посторонними горожанами выливались на практике в расселение иноверцев в отдельных кварталах и поселениях и законодательно закрепленный главенствующий статус мусульманского населения. Мусульмане являлись полноправными членами общества, тогда как представители других этносов и конфессий ограничивались в правах. Им предписывались особые условия размещения в городах жилых кварталов, культовых сооружений, кладбищ и правила поведения. Эта установка действовала и в городах Московского государства, где иноземное население жило в пригородных слободах и в городах Западной Европы. Следовательно, эта установка имела универсальный характер в различных регионах христианского и мусульманского мира. Известно о существовании Армянской слободы не только в Казани, но и в Булгаре.

Принцип учета требований шариата при построении города и организации его застройки определял физические и социальные отношения между государственными и частными сферами, а также между соседями и социальными группами. Одним из основных требований шариата была сегрегация полов и соответствующее ей разделение рабочей силы. На всех уровнях города проявлялись изоляция жизни семьи и женщин от посторонних, приоритет родственных связей, отделение частной жизни от общественной, преобладание занятости мужчин в общественной сфере или вне дома.

Приоритет частной жизни был возведен в закон, который защищал право собственности, устанавливал высоту домов и другие правила, определявшие форму и образ исламского города. Этот принцип был важнейшим в организации городов с исламским населением. Жилая застройка формировалась кластерами дербов, в свою очередь объединявших дома (усадыбы) родственников. К каждому дербу вёл тупиковый подъезд (рис. 4).

⁶ В источниках средневековой арабской географии по климатической шкале, разработанной на мусульманском Востоке, регион Волго-Камья относили к седьмому, последнему поясу, севернее которого располагались «Земля и Море Мрака».

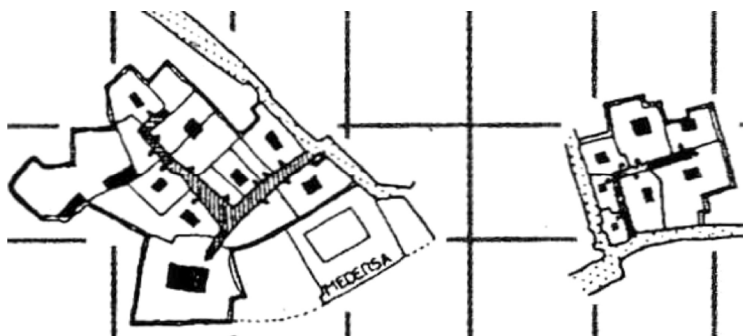

Рис. 4. Последовательное скопление типологически подобных единиц, увеличивающих масштаб городской иерархии от дома к группе домов (дербу); от неё к группе групп (кластеру), несколько кластеров формировали квартал, кварталы – городскую ткань [39, Fig. 123]

Высота зданий, например, была ограничена так, чтобы никто не мог видеть через забор двор и крышу (если она использовалась) дома соседа. Не позволялось располагать двери и окна соседних домов на улице непосредственно друг против друга. Боковые коридоры, которые вели от передней двери до внутреннего двора, располагали так, чтобы даже если кто-то сумел проникнуть взглядом за дверь, то его видение было чем-то ограничено, например, решетчатой стеной. Маленькие, высоко расположенные, решетчатые или закрытые окна разрешали смотреть на улицу изнутри, в то время как зритель остался невидимым с внешней стороны [41, p. 5].

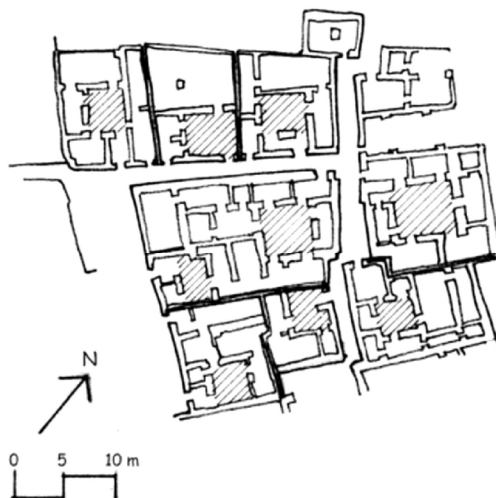

Рис. 5. Организация кластера домами с внутренним двором в регионах мусульманского мира [40, Fig. 2, p. 1161]

Эти приемы, с большой долей вероятности, использовались в средневековых городах и поселениях Казанского ханства. Существование принципов и приемов организации застройки городов и селений региона, обусловленных шариатом, по этнографическим данным, отмечалось в татарских слободах и селениях даже в конце XIX в. Так, ни одно окно дома, стоящего на границе с соседней усадьбой, не должно было выходить в её сторону. Двор огораживался плотным высоким забором, чтобы посторонние не могли видеть находящихся в нём женщин и частную жизнь семьи. Появление окон на фасадах, ориентированных в сторону улиц, повлекло установку перед ними в оградах резных решеток. Такой же решеткой прикрывали окно на фронтоне дома и мезонина. При этом длительное время наблюдалась практика постановки дома в глубине участка усадьбы, подальше от улицы. Вход в дом всегда располагался со двора на боковом фасаде.

Вероятно, немаловажное значение в формировании такой структуры играл факт децентрализованного использования земли и правительственный учёт и регулирование появившейся застройки по месту *post factum*, характерный для многих средневековых мусульманских государств [42]. Эта установка могла выполняться при наличии свободных территорий в городах или в пределах территорий, отведенных для клана, племени или рода. Структура городов и поселений мусульманского Востока с кривыми улицами, переулками и тупиками объяснялась исследователями именно этой установкой, когда её формирование происходило по остаточному принципу после строительства зданий и сооружений. В каждом регионе эти принципы и приемы находили свое претворение в определенных архитектурных и градостроительных формах.

Следовательно, специфику городам и поселениям Казанского ханства с мусульманским населением придавали приемы организации застройки и жизни в городе с учетом указанных принципов. Самобытность и принадлежность их к городам мусульманского мира определялись культово-мемориальными и общественными зданиями (мечети, минареты, бани-хаммам, караван-сарай и т.д.).

Таким образом, города и поселения Казанского ханства имели общие черты с городами мусульманского мира в принципах организации городов преимущественно по образно-типологическим характеристикам монументальных зданий и приемам организации жилой застройки, обусловленным требованиями шариата и соответствием с традициями кланово-родственного расселения.

Список литературы

1. Айдаров С.С. Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности): дис. ... доктора архитектуры. – М., 1990. Т. 1 – 422 с. Т.2 – 164 с.
2. Айдаров С.С. О реконструкции мавзолеев Казанского Кремля (архитектурное исследование) // Панорама-Форум, 1997, № 3. Специальный выпуск. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – С. 50-67.
3. Айдарова-Волкова Г.Н. Морфология архитектурного пространства Казани и культурологические аспекты реконструкции // Панорама-форум, 1996, № 4. – С. 69-74.
4. Айдарова-Волкова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI-XIX веков: модель развития, структура типов, влияния. – Казань: КГАСУ, 1997. – 196 с.
5. Айдарова-Волкова Г.Н. В поиске материальных следов архитектуры ханской Казани // Гасырлар авазы. Эхо веков, 1999, № 3/4. – С. 180-186.
6. Андрей Курбский. Сказание о взятии Казани // Древняя Казань глазами историков и современников / Составители и авторы комментариев Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. – Казань: Издательство «Фест», 1996. – 448 с.
7. Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани 1552 года с 5-ю листами чертежей. – СПб., 1898.
8. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М., 1999. – С. 135-138.
9. Бурханов А.А. Археология Казанского ханства: история изучения, итоги последних исследований и перспективы // Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – С. 246-267;
10. Бурханов А.А., Хамзин Р.Н. Археологические исследования в Тюлячинском районе Республики Татарстан // Археологические открытия в Татарстане. – Казань, 2002.
11. Валеев Ф.Х. К истории архитектуры казанских татар XV–XVI веков // Вопросы истории, филологии и педагогики. – Вып. 2. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967.
12. Галлямов Р. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: ФЭН, 2002. – С. 270-275.
13. Егерев В.В. Самобытное расселение народностей Казанского края // Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1928, № 8. – С.55-99.
14. Исаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI вв. Научно-методическое пособие. – Казань, 2004. – 83 с.
15. Казанская история. Новое сказание, вкратце повествующее о начале Казанского царства, и о войнах с Казанскими царями Великих Московских князей, и о победах,

- и о взятии Казанского царства // Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань, 1996. – 448 с.
16. Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов? // Вестник Научного общества Татароведения, № 6. – Казань, 1926. – С. 81-96.
 17. Калинин Н.Ф. Казань 18 века (По неизданным картографическим и иконографическим материалам) // ИОАИЭ, Т. XXXIV (XXXIII), Вып. 3-4. – Казань, 1929. – С. 119-130.
 18. Калинин Н.Ф. Казанский Кремль. – Казань, 1952.
 19. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – 158 с.
 20. Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С.118-133.
 21. Надырова Х.Г. Ханская Казань: Мифы и реальность // Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования. Вып. 1. – М.: КомКнига, 2007. – С. 72-82.
 22. Надырова Х.Г. Пространственно-планировочные структуры Казани и Москвы середины XV – первой половины XVI вв. // Известия КазГАСУ, 2008, № 2 (10). – С. 15-21.
 23. Надырова, Х.Г. Средневековое градостроительство Волго-Камья в аспекте концепции исламского города // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. – Казань, 2011, № 2. – С. 99-108.
 24. Надырова Х.Г. Средневековые «исламские» города в зарубежной историографии // Известия КГАСУ, 2011, № 1 (15). – С. 46-50.
 25. Надырова Х.Г. Развитие системы расселения Волго-Камья X-середины X-XVI века // Academia. Архитектура и строительство. № 1 – М., 2011. – С. 92-98.
 26. Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг.: публикация текста. – Казань: Изд-во КГУ, 1978. – 140 с.
 27. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565-1568 гг.: публикация текста. – Казань: Изд-во «Фэн», 2007. – 657 с.
 28. Ситдииков А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – 175 с.
 29. Ситдииков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование – Казань, 2006. – 188 с.
 30. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: Наука, 1967. – 538 с.
 31. Халитов Н.Х. (Нияз Халит). Мавзолеи ханской Казани XVI в. // Панорама-Форум. – 1997, № 3. Специальный выпуск. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – С. 68-88.
 32. Халитов Н.Х. (Нияз Халит). «Тверд паче меры...» Черты древней цитадели – Казань, 1999, № 5-6. – С. 52-53.
 33. Халитов, Н.Х. (Нияз Халит) Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. – Казань, 1999. – 232 с.
 34. Хамидуллин Б.Л. Этносоциальная история Казанского ханства: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004. – 218 с.
 35. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994-1998 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999. – С. 5-31.
 36. Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Древняя Казань – Казань: Изд-во КГУ, 2005. – 152 с.
 37. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 272-292.
 38. Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб.: Типография МВД, 1841, Ч.XXXIV, № 3. – С. 350-410.
 39. Petruccioli Attilio. After amnesia. Learning from the Islamic mediterranean urban fabric. Icar, 2007. – 238 p.
 40. Salma Khadra Jayyusi, Renata Holod, Attilio Petruccioli, André Raymond. The city in the Islamic world, Volume I. – Leiden, Boston: Brill, 2007. – 1046 p, Volume II. – Leiden, Boston: Brill, 2008. – 1494 p.
 41. Dion Good. The Middle Eastern Islamic City: Type and Morphology / GoodMECitiesPaper. Pdf Adobe Reader. – 17 p.
 42. Rabah Saoud. Introduction to the Islamic City / <http://www.muslimheritage.com/topics/default.cfm?ArticleID=206> – FSTC 2001-2010.

Nadyrova Kh.G. – candidate of architecture, associate professor

E-mail: Nadyrova-Kh@yandex.ru

Kazan State University of Architecture and Engineering

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

Principles of the organization of the cities of the Kazan khanate

Resume

The main task of the article was to identify the principles of the organization for the development of the Kazan khanate of the medieval period. The author tried to trace the influence of Islam in the form of Sharia on the formation of residential towns, as khanate was the Muslim state. The author puts forward a hypothesis about the long-term preservation of the medieval Tatar traditions in the planning and development of the Tatar villages of the Kazan district of the XVIII-XIX centuries which were formed in the Kazan khanate. In it there was a «daruzhnaya» system of organization and related settlement system.

A comparison of the medieval cities of the Volga-Kama and the Muslim world has shown that they had much in common. There were general principles of spatial organization of Muslim cities, reflecting the specifics of the city life in accordance with the requirements of the Sharia. For the cities of the Volga-Kama they traced on the example of Kazan – the capital of the Kazan khanate.

The principle of organization of the city with a two-part structure: the Kremlin and the outer city.

The principle of hierarchy in the placement of the mosques in the city structure.

The principle of taking into account the requirements of the Sharia in the building of the city. He defined the physical and social relations between the public and private sectors as well as between the neighbors and social groups.

The principle of the supremacy of private life was the most important in the organization of the Islamic population. Construction of cities was carried out according to clan-related principle, when separate parts or blocks of cities descended from families of one kind or tribal group, referring to a particular clan.

The principle of the separation of cemeteries from the shelter.

The originality and distinction between the cities in the region of the Volga-Kama and the countries of the Muslim East was determined by natural-climatic conditions. Therefore, the specificity of the cities and settlements of the Kazan khanate with the Muslim population gave the techniques of organization of building and living in a city with a view of the specified principles.

Keywords: history of urban development, the Kazan khanate, planning, traditions.

References

1. Aidarov I.S. Monumental stone constructions and complexes of Volga Bulgaria and the Kazan khanate (the experience of reconstruction and genetic-stylistic peculiarities): dis. ... doctor of architecture. – M., 1990, V.1 – 422 p. V.2., part 1. – 164 p.
2. Aidarov I. S. About the reconstruction of the Kazan Kremlin (architectural study) // Panorama-Forum, 1997, № 3. Special release. The mausoleums of the Kazan Kremlin (the Experience of historical and anthropological analysis). – Kazan, 1997. – P. 50-67.
3. Aidarova-Volkova G.N. Morphology of architectural space of Kazan and cultural aspects of the reconstruction // Panorama-forum, 1996, № 4. – P. 69-74.
4. Aidarova-Volkova G.N. The architectural culture of the Middle Volga region of the XVI-XIX centuries: development model, the structure of types of influence. – Kazan: KSUAE, 1997. – 196 p.
5. Aidarova-Volkova G.N. In the search for material traces of architecture of the Khan of Kazan // Gasyrlar Avazy. The echo of the centuries. 1999, № 3/4. – P. 180-186.

6. Andrey Kurbsky. The tale of the capture of Kazan // Ancient Kazan through the eyes of historians and contemporaries / Compilers and authors of the comments F.Sh. Huzin, A.G. Sitdikov. – Kazan: Publishing house «Fest», 1996. – 448 p.
7. Bogdanovsky M. Engineering-historical sketch of the siege of Kazan 1552 years from the 5-th of sheets of drawings. – St. Petersburg, 1898.
8. Burkhanov A.A., Izmailov I.L. New data on the fortification of the Kazan khanate // Scientific heritage of A. P. Smirnova and the modern problems of archeology of the Volga-Kama. – M., 1999. – P. 135-138.
9. Burkhanov A.A. Archaeology of the Kazan khanate: history of study, the results of recent studies and prospects // The khanate of Kazan: Urgent problems of study. – Kazan, 2002. – P. 246-267.
10. Burkhanov A.A., Khamzin R.N. Archeological research in Tyulyachinskiy area of the Republic of Tatarstan // Archeological discoveries in the Republic of Tatarstan. – Kazan, 2002.
11. Valeev F.H. To the history of architecture of the Kazan Tatars XV-XVI centuries // Questions of the history, philology and pedagogics. Vol. 2. – Kazan: Izd-vo Kazan. Un-ta, 1967.
12. Gallyamov R. Administrative darugi of the Kazan khanate: experience of reconstruction of // The khanate of Kazan: urgent problems of study. – Kazan: Fen, 2002. – P. 270-275.
13. Yegerev V.V. Original resettlement of peoples of the Kazan region // the Bulletin of the scientific society of Tatar. – Kazan, 1928, № 8. – P. 55-99.
14. Iskhakov D.M. The Turko-Tatar state XV-XVI centuries. Scientific-methodical manual. – Kazan, 2004. – 83 p.
15. The Kazan history. A new tale, briefly telling about the beginning of the Kazan Kingdom, and the wars with the Kazan kings of the Great Moscow princes, and about the victories, and of the capture of Kazan Kingdom // Ancient Kazan eyes of contemporaries and historians. – Kazan, 1996. – 448 p.
16. Kalinin N.F. Where was the Palace of the Kazan khans? // Bulletin of the Scientific society of Tatar. № 6. – Kazan, 1926. – P. 81-96.
17. Kalinin N.F. Kazan of the 18-th century (The unreleased artgraphic and iconographic materials) // T. XXXIV (XXXIII). Vol. 3-4. – Kazan, 1929. – P. 119-130.
18. Kalinin N. F. The Kazan Kremlin. – Kazan, 1952.
19. The mausoleums of the Kazan Kremlin (the Experience of historical and anthropological analysis). – Kazan, 1997. – 158 p.
20. Mukhametshin D.G. Epigraphic monuments of Kazan khanate as a historical the source // From the history of the Golden Horde. – Kazan, 1993. – P. 118-133.
21. Nadyrova H.G. Khan Kazan: Myths and reality // Town-Planning art: New materials and research. Issue1. – M.: ComBook, 2007. – P. 72-82.
22. Nadyrova H.G. The space-planning structure of Kazan and Moscow the middle of the XV-first half of the XVI centuries // Proceedings KSUAE, № 2 (10), 2008. – P. 15-21.
23. Nadyrova H.G. Medieval urban development of the Volga-Kama in the aspect of the concept of Islamic city // Scientific Tatarstan. The Humanities. – Kazan, 2011, № 2. – P. 99-108.
24. Nadyrova H.G. Medieval «Islamic» a city in a foreign historiography // Proceedings KSUAE, 2011, № 1 (15). – P. 46-50.
25. Nadyrova H.G. The development of the settlement system of the Volga-Kama X-middle of the X-XVI century // Academia. Architecture and construction, № 1. – M., 2011. – P. 92-98.
26. The cadastre of the Kazan district 1602-1603 years: publication of the text. – Kazan: Izd-vo KGU, 1978. – 140 p.
27. Description of Kazan and the Kazan County 1565-1568 years: publication of the text. – Kazan: Izd-vo «Fan», 2007. – 657 p.
28. Sitdikov A.G. Some aspects of the topography of the khans of Kazan // The khanate of Kazan: urgent problems of study. – Kazan: Izd-vo «Feng», 2002. – 175 p.
29. Sitdikov A.G. Kazan Kremlin: historical-archeological study. – Kazan, 2006. – 188 p.
30. The Tartars of the Middle Volga and Urals. – Kazan: Nauka, 1967. – 538 p.
31. Khalitov N.Kh. (Niaz Halit). The mausoleums of the Khan of Kazan XVI in. // Panorama-Forum, 1997, № 3.Special release. The mausoleums of the Kazan Kremlin (the Experience of historical and anthropological analysis). – Kazan, 1997. – P. 68-88.

32. Khalitov N.Kh. (Niaz Halit) «Strong pace measures...» the Features of the ancient citadel // Kazan, 1999, № 5-6. – P. 52-53.
33. Khalitov N.Kh. (Niaz Halit) Essays on architecture of the Khan of Kazan. The hypothesis. The facts. Reflections. – Kazan, 1999. – 232 p.
34. Khamidullin B.L. Social history of the Kazan khanate: the Dis. ... candidate of historical Sciences. – Kazan, 2004. – 218 p.
35. Huzin F.Sh. Ancient Kazan in X – the beginning of XIII centuries. (on the materials of archeological research 1994-1998) // Archeological study of the Bulgarian cities. – Kazan, 1999. – P. 5-31.
36. Huzin F.Sh., Sitdikov A.G. Ancient Kazan. – Kazan: Izd-vo KGU, 2005. – 152 p.
37. Chernyshev E.I. The villages of the Kazan khanate ('s books) // problems of ethnogenesis of the Turkic – speaking peoples of the Middle Volga region. – Kazan, 1971. – P. 272-292.
38. Ethnographic description of the Kazan province // Journal of the Ministry of internal Affairs. – SPb.: Printing of the Ministry of internal Affairs, 1841, V. XXXIV, № 3. – P. 350-410.
39. Petruccioli Attilio. After amnesia. Learning from the Islamic Mediterranean urban fabric. – Icar, 2007 – 238 p.
40. Salma Khadra Jayyusi, Renata Holod, Attilio Petruccioli, André Raymond. The city in the Islamic world, Volume I. – Leiden, Boston: Brill, 2007. – 1046 p. Volume II. – Leiden, Boston: Brill, 2008. – 1494 p.
41. Dion Good. The Middle Eastern Islamic City: Type and Morphology / Good ME Cities Paper. Pdf Adobe Reader. – P. 1-17.
42. Rabah Saoud. Introduction to the Islamic City / <http://www.muslimheritage.com/topics/default.cfm?ArticleID=206> – FSTC 2001-2010.